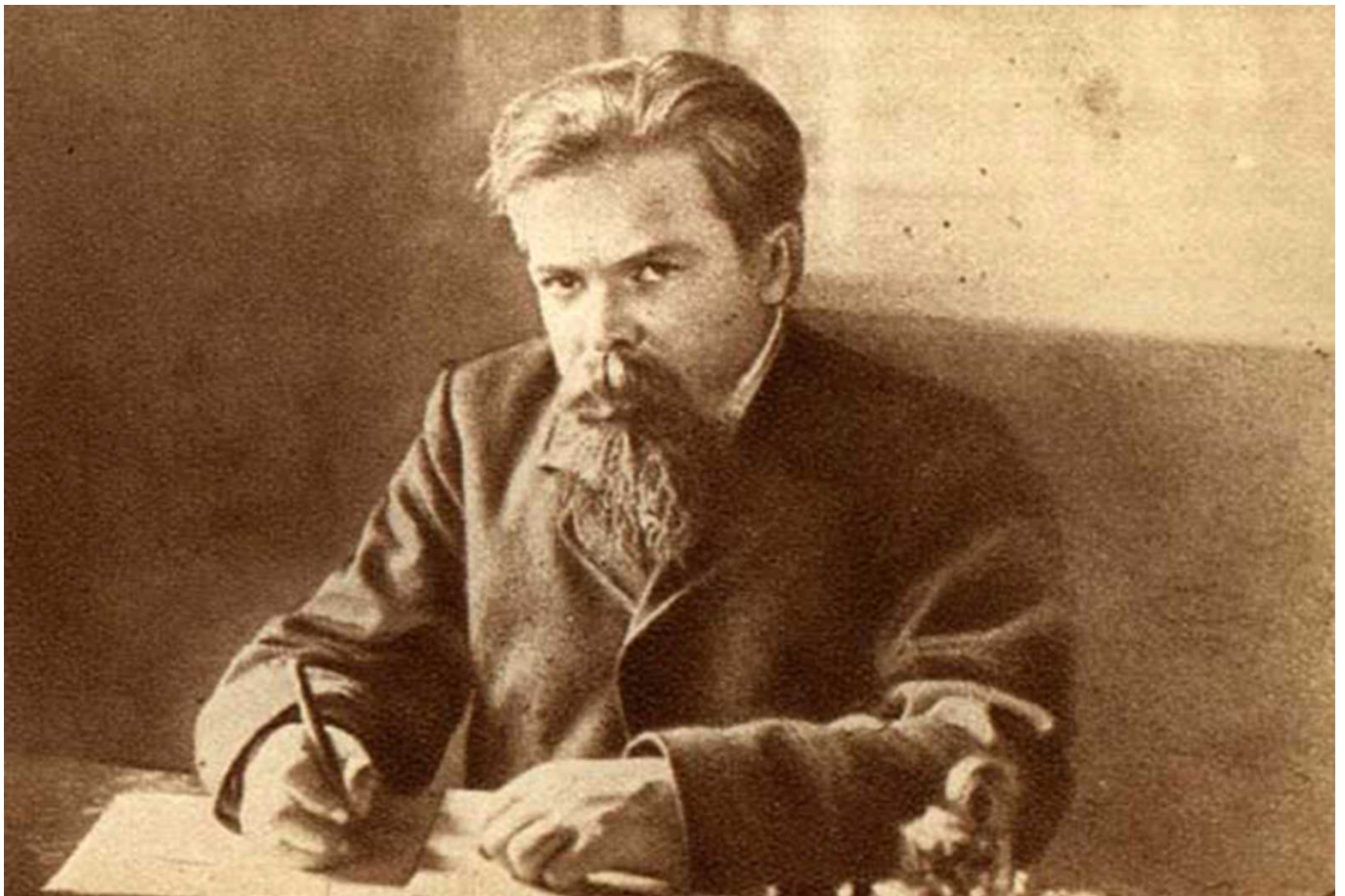

Николай Александрович Рубакин: «Дорогой самоучитель» | Nikolaï Roubakine: "Cher autodidacte"

Автор: Андрей Федорченко, [Lausanne - Лозанна](#) , 14.05.2014.

Н. А. Рубакин (© из архива Н. А. Рубакина, РНБ)

О швейцарских корнях уникального собрания книг, хранящегося сегодня в
Ленинской библиотеке в Москве.

|

Les racines suisses d'une unique collection de livres, préservée dans la Bibliothèque Lénine,
à Moscou.

Nikolaï Roubakine: "Cher autodidacte"

«Рубакин - великий энциклопедист или, лучше говоря, он сам уже является энциклопедией современной России, - так отзывался о герое нашего рассказа Ромен Роллан в «Дневнике» в 1917 году.

В Российской государственной библиотеке, известной в народе как «Ленинка», есть святая святых – пятнадцатый этаж. Первый же взгляд на внешне ничем не примечательное хранилище старых книг упирается в портрет бородатого старика, удивительно похожего на домашнего доктора. Вероятно, многим из нас знакомы по старинным фотографиям подобные доктора: в целлулоидных воротничках, при часах и окладистых бородах. Этакие «Айболиты», способные уговорить на любую операцию, с которыми и болеть и в жилетку плакаться – одно удовольствие...

Человек на портрете – Николай Александрович Рубакин, знаменитый литератор, публицист, книговед, популяризатор книги, и его сходство с доктором отнюдь не случайно: он - основатель необычной науки библиопсихологии, науки о социальном и психологическом воздействии книги. Сам же 15-й этаж – это свыше 100000 томов личной библиотеки Николая Александровича, завещанных им «Ленинке», но с которыми Рубакин не спешит расстаться даже после смерти. Несколько поколений сотрудников главной библиотеки России всерьез убеждены в существовании призрака Рубакина, стерегущего свое книжное богатство. Вместе с «Роковой Мамашей», «Черным Монахом», «Котом Бегемотом», «Лимузином Бери» и т.д. привидение книговеда занимает почетное четвертое место в списке тринадцати самых известных призраков Москвы. Впрочем, Рубакин – призрак добрый, и знающие люди говорят, что он часто помогает читателю отыскать нужную книгу. Только соблюдайте, пожалуйста, тишину в библиотеке, иначе Рубакин обидится и не поможет...

Чтобы стать призраком после смерти, необходимо прожить воистину незаурядную жизнь. А как это сделать в окружении полок с книгами? Загадка. Однако Николай Александрович Рубакин умудрился прожить свои 84 года именно незаурядно. Возможно, ему повезло со временем и особенностями своего характера: редкому человеку удавалось состоять в прекрасных отношениях и с царскими министрами, и с Лениным. А «сталинские соколы» - те вообще назначили пенсию эмигранту.

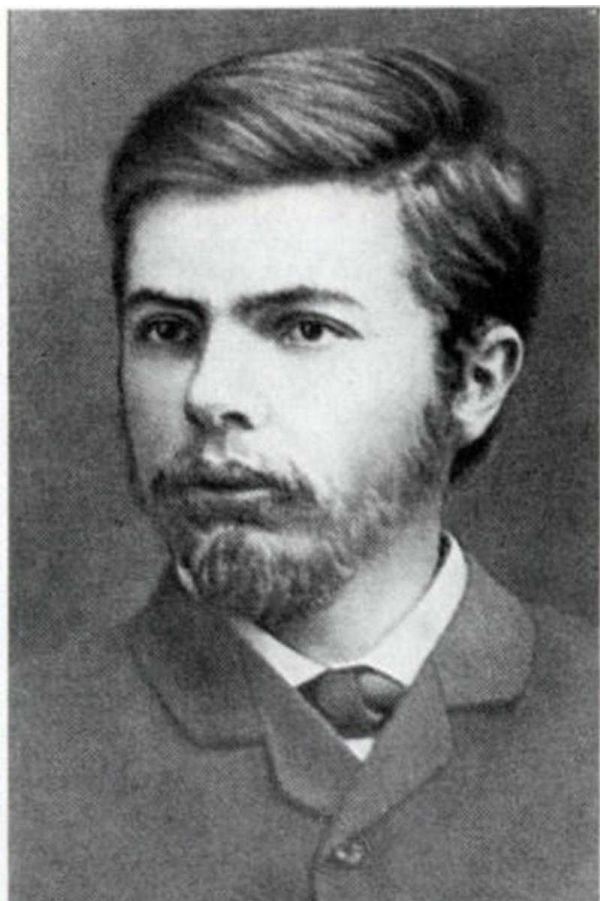
Причина эмиграции Рубакина в Швейцарию уникальна – ею стал библиографический указатель «Среди книг», в который Николай Александрович включил среди прочего труды Маркса, Энгельса, а также русских социал-демократов. После революции 1905 года такой указатель показался властям если не «противуправительственной» акцией, то уж точно вызовом.

Родился Николай Александрович Рубакин 13 июля 1862 года в городке Ораниенбауме (ныне г. Ломоносов), сохранившего, несмотря на близость к Петербургу, все черты русского захолустья.

Отец, Рубакин Александр Иосифович, происходил из старинной старозаветной купеческой семьи. Еще в начале XVIII века Рубакины были купцами в Торопце на Псковщине. Позже Н. А. Рубакин часто говорил, что он родом «из самой демократической русской республики – Пскова».

Мать, Лидия Терентьевна, также вышла из семьи купцов-старообрядцев. Незаурядная женщина, она оказала на сына огромное влияние, передав ему уважение и страстную любовь к книге.

Именно книги стали для маленького Коли первыми и самыми любимыми игрушками. Еще не умея читать, он стал играть «в библиотеку» и собирать книги. А едва научившись писать, начал изготавливать собственные рукописные книжки и играть «в писателя».

Н. А. Рубакин – студент университета. 1887 г. (© из архива Н. А. Рубакина, РНБ)

Первым печатным произведением юного литератора стала небольшая заметка «Обоготворение животных» в журнале «Детское чтение». Редакции так понравилась статья, написанная простым, ясным языком и содержащая прогрессивные по тем временам взгляды, что ее напечатали, не забыв выслать автору гонорар – 16 рублей. Тогда это были большие деньги, но ведь редакция журнала понятия не имела, что ее новому сотруднику всего 15 лет!

В 1873 году Лидия Терентьевна переехала с детьми в Петербург, где Николай и его брат Михаил поступили в реальное училище, а она, стремясь найти поле для деятельности, открыла небольшую публичную библиотеку. Сын хозяйки буквально не вылезал из комнаты, уставленной стеллажами книг. Именно там будущий библиограф, популяризатор, теоретик самообразования столкнулся не только с книгами, но и с читателями этих книг. И впервые стал размышлять над огромным разнообразием читательских интересов.

По поступлении в 1881 году в Петербургский университет на естественный факультет Николаю Рубакину посчастливилось слушать лекции таких светил, как Д.

И. Менделеев, И. М. Сеченов, А. Е. Бекетов, А. М. Бутлеров, В. В. Докучаев. В свой первый университетский год Рубакин вступает в нелегальную студенческую народовольческую организацию, сближается с будущим террористом Александром Ульяновым. Позднее казнь Ульянова произведет на Николая Рубакина ошеломляющее впечатление, а пока он распространяет революционную литературу, участвует в литературном кружке. В 1886 году его арестовывают и устанавливают над ним гласный полицейский надзор. Это «пятно» поставило крест на его университетской карьере: неблагонадежному Рубакину не разрешили готовиться к профессорской деятельности и лишили права преподавать в учебных заведениях. Несмотря на золотую медаль университета!

В конце 80-х годов Николай Александрович знакомится с группой деятелей народного образования: И. И. Горбуновым-Посадовым, будущим биографом Льва Толстого П.И. Бирюковым и другими. Так возник первый в мире кружок по изучению читателей. Пытливый и наблюдательный Рубакин подметил, что читатели реагируют на одну и ту же книгу по-разному, что каждый из них имеет свои индивидуальные особенности, и помочь в выборе книг можно только учитывая эти особенности. Николай Рубакин впервые поднял в печати вопрос об индивидуальном подходе к читателю. Он знал, о чем говорил: ведь он вел обширную переписку с десятками тысяч читателей из самых разных общественных слоев. Для многих он был воистину гуру. Так, один из корреспондентов, почитая Рубакина и как человека, руководящего самообразованием, и как учителя, слил оба эти понятия в одно слово и в своих письмах к нему обращался так: «Дорогой самоучитель».

В 1892 году Рубакин берет в свои руки пришедшую к тому времени в упадок библиотеку своей матери, проводит ее коренную реорганизацию, доукомплектовывает. За четыре года он превратил ее в одну из лучших публичных библиотек столицы по количеству и качеству фондов. Библиотека стала также своеобразным литературно-общественным клубом молодых литераторов, ученых и учителей. Просветительские начинания Рубакина привлекали в библиотеку рабочих. Благодаря ему, мечты Н. А. Некрасова «... когда мужик не Блюхера и не милорда глупого - Белинского и Гоголя с базара понесет» стали реальностью культурного ландшафта тогдашнего Петербурга.

Сам же Николай Александрович скромно называл свое детище «лабораторией для изучения читателей». Всего-то...

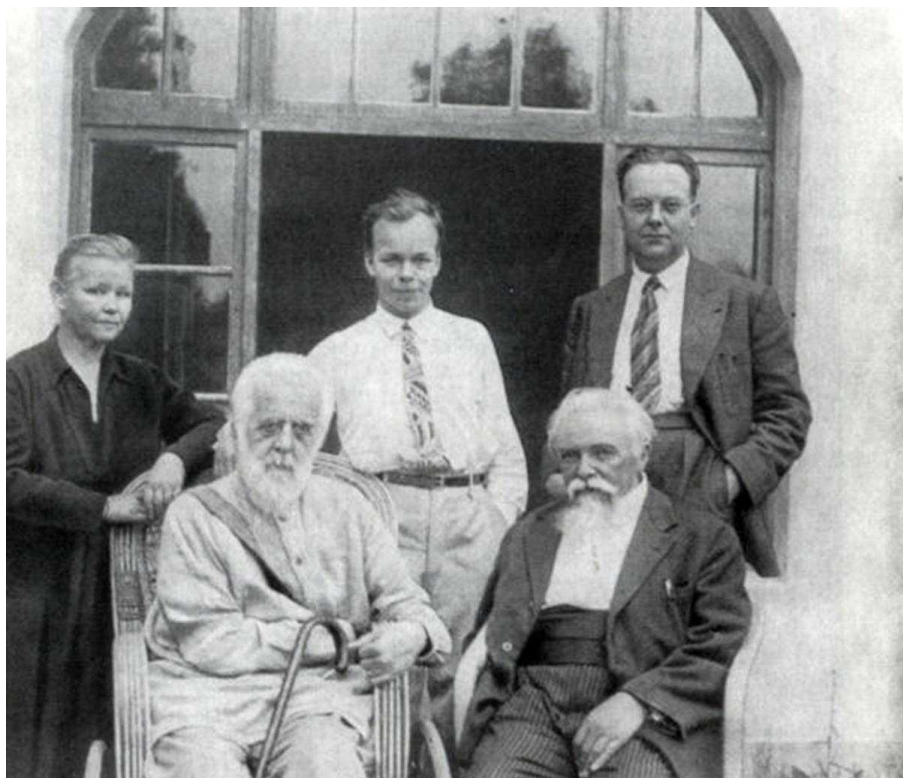
Жизнь среди книг отнюдь не превратила Рубакина в книжного червя: он активен на общественном поприще. Настолько, что в 1901 году за подписание протеста против полицейской расправы над студентами угодил в ссылку. Ссылкой ему «царские сатрапы» определили глухую татарскую деревушку близ Алушты в Крыму, а после Рубакина отправили под полицейский надзор в Новгород.

После первой русской революции власти поставили Рубакина перед выбором: либо долголетняя ссылка, либо эмиграция без права возвращения. Шли репрессии против интеллигентов, призывавших в книгах к свержению самодержавия, и властям почему-то представлялся одним из таких призывов злополучный рубакинский библиографический указатель «Среди книг».

Перед отъездом за границу Рубакин передает свою библиотеку в 100 тысяч томов Всероссийской лиге образования, осуществив тем самым свою мечту – превратить

частную библиотеку в общедоступную.

Так

1). В Женеве. Сидят: Н. А. Рубакин (справа) и П. И. Бирюков (© из архива Н. А. Рубакина, РНБ)

, в 1907 году началась вторая, швейцарская половина жизни Николая Александровича Рубакина. В Швейцарию он прибыл как политэмигрант. В Кларане, а позже в Лозанне Николай Александрович начинает собирать вторую библиотеку. По своему составу это было воистину уникальное собрание: на протяжении десятков лет им пользовались эмигранты и слависты со всей Европы. Рубакин требовал от читателей одного: бережного возвращения взятых книг. Исключение сделал лишь однажды, когда во вторую мировую войну в Швейцарии оказались тысячи советских военнопленных, бежавших из нацистского плена и интернированных швейцарским правительством, Рубакин послал им больше 10 тысяч книг, не рассчитывая на их возвращение.

Обосновавшись в Кларане, Н. А. Рубакин возобновляет свои связи с Россией, с издательствами и журналами. В 1911-1915 гг. с помощью известного библиографа И. В. Владиславлева он печатает в московском издательстве «Наука» второе издание указателя «Среди книг».

В своей швейцарской библиотеке он собрал все русские журналы и газеты, издания эпохи первой русской революции, коллекцию нелегальной литературы. Из СССР ему присылали все главные советские газеты и журналы, множество книг. Рубакину дарили свои издания многие выдающиеся ученые и писатели. В его библиотеку передала свою коллекцию дочь Герцена – Наталия Александровна, туда же влилось и собрание Густава Броше, участника Парижской коммуны. Все было тщательно отсортировано, подшито, зарегистрировано.

Библиотека Н.А. Рубакина стала своеобразным культурным представителем Советской России в Европе, поскольку между Швейцарией и СССР с 1923 года и

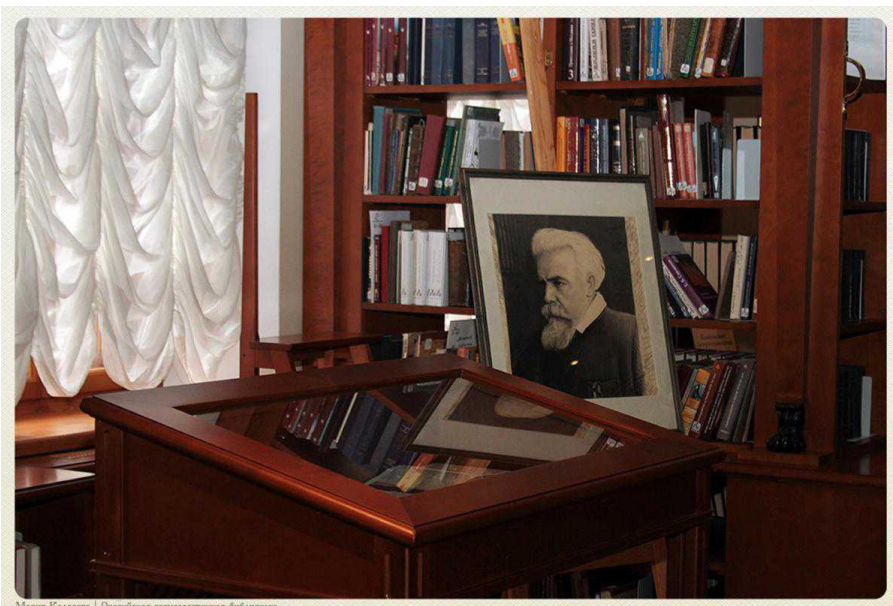
окончания Второй мировой войны не было дипотношений.

В 1919 году Рубакин по приглашению Чехословацкого библиографического общества поехал в Чехословакию и там сделал доклад на съезде. Но швейцарские власти не хотели ему давать обратной визы на въезд в страну. Рубакин просидел три месяца в Берлине в ожидании разрешения вернуться в Швейцарию, которое ему наконец исхлопотали его швейцарские друзья. С тех пор он почти не выезжал из Швейцарии, не считая короткой поездки в Париж к сыну.

После Октябрьской революции почти все русские эмигранты вернулись в Россию. Однако у Рубакина появились новые знакомые и друзья среди швейцарцев, сначала соседи по дому, а затем ученые, учителя, профессора. Особые отношения связывали его с известным профессором психологии в Женеве З. Клапаредом, директором педагогического Института имени Ж.-Ж. Руссо Бонэ, профессором Феррьером и крупнейшим швейцарским психиатром А. Форелем.

В 1918 году, когда Рубакин стал активно разрабатывать теоретические проблемы психологии читательства и создавать библиопсихологию, он тесно связался с Институтом Ж.-Ж.Руссо в Женеве и совместно с Бонэ и Клапаредом основал при этом институте «Секцию библиопсихологии», включив в нее свою библиотеку.

Библиотека

Мария Колосова | Российская государственная библиотека

15-й «рубакинский» этаж «Ленинки». Тот самый, с призраком(© из архива Н. А. Рубакина, РНБ)

содержалась исключительно на средства Николая Александровича - на его заработки, а потом и на его пенсию. В 1922 году Рубакин из Кларана переехал в Лозанну и перевез туда библиотеку. Жители Лозанны, среди которых он был очень популярен, хорошо помнили его высокую фигуру в старомодном пальто - «крылатке», его подпрыгивающую быструю походку, когда он ходил на свои обычные прогулки к берегу Женевского озера. Однако красоты природы служили Рубакину лишь средством пробуждения разного рода мыслей и эмоций. Он, с восторгом писавший о необходимости красоты, в жизни был к ней абсолютно равнодушен.

В рабочем кабинете в Кларане и Лозанне Рубакин провел почти сорок лет своей жизни. И всюду окружающая его обстановка была почти одинаковой. Простые

деревянные полки с книгами заполняли столовую, коридор, кухню, спальню, они обступали его кровать сверху и снизу. Даже под кроватью лежали пачки книг. Характер Рубакин имел крайне противоречивый. С одной стороны, купеческая среда в детстве оставила в нем черты «мелочности и копеечности», которые он и сам признавал. С другой, будучи скупым в мелочах, он совершенно не умел вести дела с издателями.

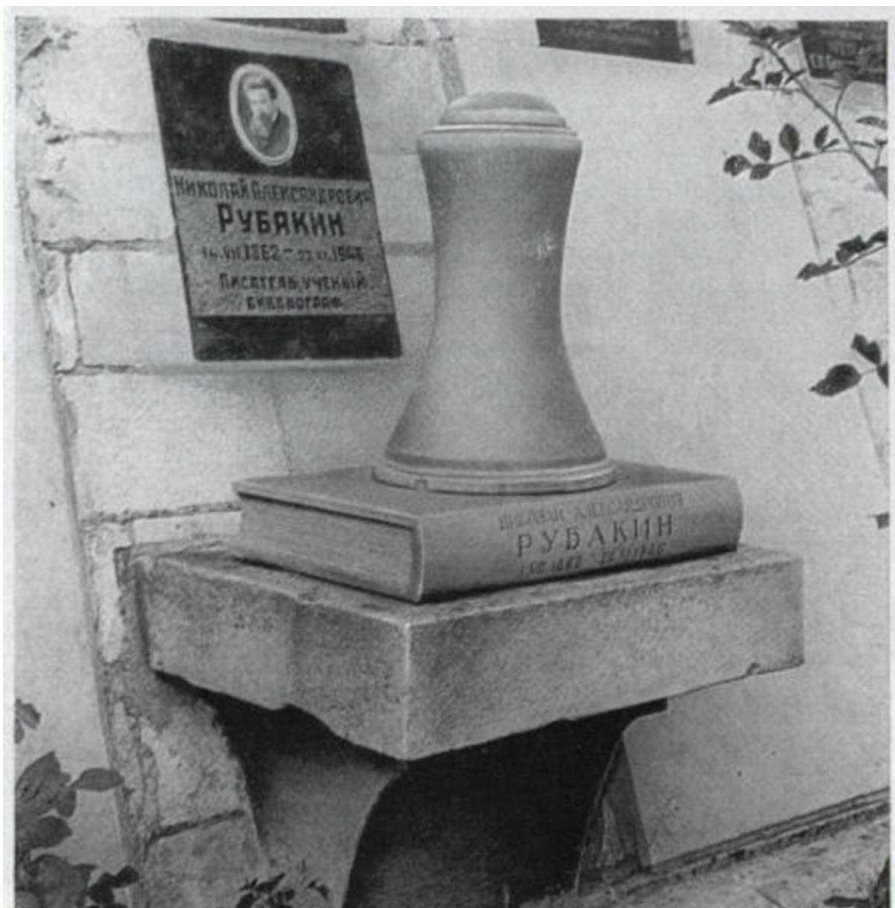
Еще задолго до Второй мировой войны Н. А. Рубакин стал беспокоиться о судьбе своей библиотеки. Чувствуя себя больным и старым, он в первую очередь думал о том, как спасти библиотеку в случае его смерти. Больше всего привлекала Рубакина мысль передать библиотеку Советскому Союзу. Еще в начале 1930-х годов он вел об этом переговоры с Н. К. Крупской.

Собрание книг Рубакина стало уже настолько известным в Европе и в Америке, что ряд крупных библиотек пытался его приобрести, предлагая большие деньги. Так, он получил предложение от директора Нью-Йоркской публичной библиотеки Лейденберга, от директора швейцарской Национальной библиотеки в Берне Марселя Годэ, от библиотеки Базельского университета, от Палестинской национальной библиотеки в Иерусалиме и т.д. Николай Александрович неизменно отвечал отказом, так как берег библиотеку для СССР.

Жизнь между двумя войнами Рубакин посвятил работе над библиопсихологическими теориями. За это время он не только создал свой Институт библиопсихологии, но завязал многочисленные связи с учеными и писателями Западной Европы, переписывался с читателями, подбирал свою библиотеку. Но не обошлось и без ложки дегтя: против него в советской библиоведческой литературе поднялся шквал критики. Его книжки, расхвалившиеся миллионными тиражами в первые годы Советской власти и позже, перестали печатать. Его исследования по психологии читательства с 1930-х годов не издавались. Его все больше и больше отрезали от его родины, старались сделать все, чтобы его забыли. И действительно его стали забывать. Молодежь уже ничего не знала о нем или знала очень мало. Рубакин искренне недоумевал, почему к нему стали вдруг так относиться. Официально никто его не трогал. Его даже постоянно звали в СССР, об этом свидетельствуют приглашения от многочисленных друзей.

Рубакин не вступал ни в какую полемику со своими критиками, хотя они и очень его раздражали. Он жаловался на непонимание ими библиопсихологии, на искажение ее. В письме Г. И. Поршневу он писал: «... Вы ошибаетесь, полагая, что «Основы и задачи библиопсихологии» будут иметь ограниченного потребителя. Эта книга предназначена для всякого педагога, читателя, издателя, книгопродавца, автора. В ее основе лежит биологическое учение о мнеме и об условном рефлексе, а мнема индивидуальная рассматривается в связи с мнемой социального коллектива...».

Он

Могила Н. А. Рубакина на Новодевичьем кладбище в Москве ((© из архива Н. А. Рубакина, РНБ)

много и тяжело болел и все-таки работал не покладая рук. У него выявился диабет, которым страдала и его мать. Незадолго перед Второй мировой войной Рубакин перенес тяжелую операцию. И наконец, уже перед самой войной у него произошел перелом ноги, который надолго приковал его к постели: в его возрасте кости уже не срастались.

В письме к Н. В. Чехову от 16 марта 1934 года Рубакин писал: «... В июле этого года мне исполнится 72 года. Бодр и крепок и только рабочим одушевлением и живу и все больше вдохновляюсь, много пишу, но издают меня только рабочие... Вы спрашиваете меня, как я живу. Здесь, в Швейцарии, я нахожусь вот уже 25 лет и работаю, ни на минуту и никогда не чувствуя своей отрезанности от родной страны... Вы знаете, что еще задолго до падения царизма я был энтузиастом и фанатиком рабоче-крестьянского трудового строя. На такой платформе остаюсь я и по сей день. По существу, никаких перемен в моих социально-политических взглядах не произошло. Если я и передвинулся, то только влево».

23 ноября 1946 года Н. А. Рубакин скончался в возрасте 84 лет. Архив ученого вместе со второй библиотекой в 130 тысяч томов в 1948 году был передан России, где и хранится в Российской государственной библиотеке.

В этом же году прах Н. А. Рубакина был перевезен из Лозанны в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище. Скромная каменная урна имеет вид печати, лежащей на каменной книге. На книге выбито: «Да здравствует книга - могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!» - девиз, которому Рубакин следовал всю свою жизнь.

В среднем за свою жизнь человек прочитывает около пяти тысяч книг. Николай Александрович Рубакин прочитал 250 тысяч томов. Интересно, читает ли книги добрый призрак Рубакина с 15-го этажа бывшей «Ленинки»?

[Женева](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/peoples/17634>